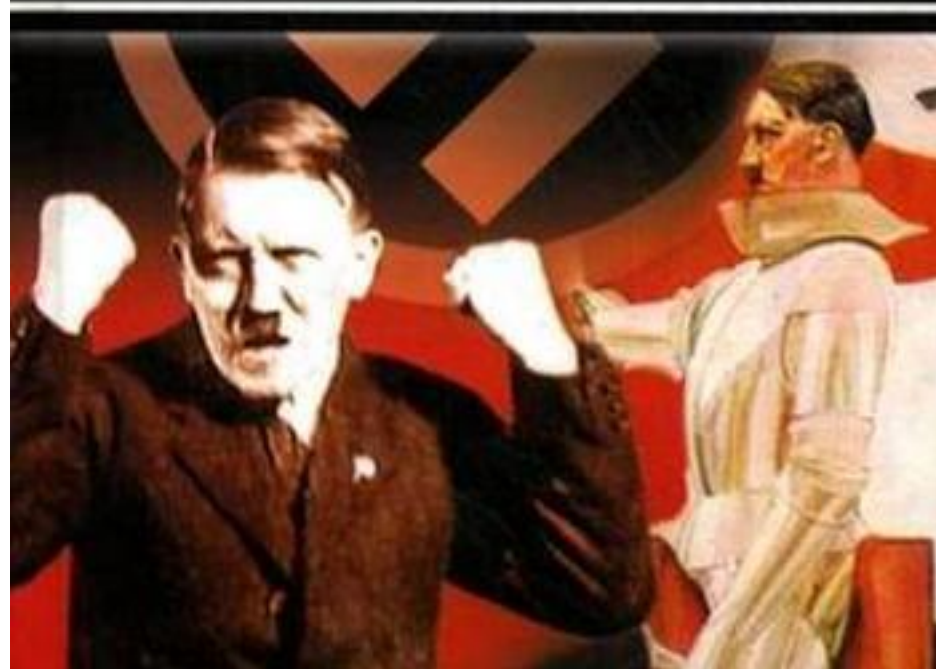

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ РЕЙХА

Александр Клинге

10 мифов о Гитлере

Александр Клинге

10 мифов о Гитлере

«Яуза»

Клинге А.

10 мифов о Гитлере / А. Клинге — «Яуза»,

ISBN 978-5-99550119-0

Текла ли в жилах Гитлера еврейская кровь? Обладал ли он магической силой? Имел ли психические и сексуальные отклонения? Правы ли военачальники Третьего Рейха, утверждавшие, что фюрер помешал им выиграть войну? Удалось ли ему после поражения бежать в Южную Америку или Антарктиду?.. Нас потчуют мифами о Гитлере вот уже две трети века. До сих пор его представляют «бездарным мазилой» и тупым ефрейтором, волей случая дорвавшимся до власти, бесноватым ничтожеством с психологией мелкого лавочника, по любому поводу впадающим в истерику и брызжащим ядовитой слюной... На страницах этой книги предстает совсем другой Гитлер – талантливый художник, незаурядный политик, выдающийся стратег – порой на грани гениальности. Это – первая серьезная попытка взглянуть на фюрера непредвзято и беспристрастно, без идеологических шор и дежурных проклятий. Потому что ВРАГА НАДО ЗНАТЬ! Потому что видеть его сильные стороны – не значит его оправдывать! Потому что, принижая Гитлера, мы принижаем и подвиг наших дедов, победивших самого одаренного и страшного противника от начала времен!

ISBN 978-5-99550119-0

© Клинге А.

© Яуза

Содержание

Предисловие	5
Миф № 1	6
Миф № 2	14
Миф № 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Клинге

10 мифов о Гитлере

Предисловие

Адольф Гитлер – Хомо мифологикус

Пожалуй, за всю историю XX века не найдешь персону настолько мифологизированную, как ныне, к счастью, уже покойный лидер Третьего рейха Адольф Гитлер. Мифы, легенды и небылицы о нем сочинялись еще при его жизни, а уж после смерти он и вовсе превратился в персонажа многочисленных анекдотов, рассказов, кинофильмов. В том Адольфе Гитлере, какого мы знаем сегодня, нет практически ничего от реального человека. Остались обрывки биографических данных, немного портретных черт, пара характерных жестов и интонаций. Косая челка и чаплинские усики. Остальное уже давно стало добычей ноосферы. Превратилось в миф. В комедийный образ.

Что о нем знает средний россиянин? Что Гитлер был (или не был) гомосексуалистом, инопланетянином, медиумом, одержимым дьяволом, параноиком (или шизофреником), наркоманом... Многие уверены, что он был евреем. Хотя бы наполовину. Картины, написанные им, видели немногие, но все знают, что он был посредственным художником. О его смерти знают все, но некоторые уверены, что он умер позже, чем принято думать. Правды в этих представлениях меньше, чем вымысла.

Сегодня никого уже не интересует, каким был на самом деле этот опаснейший человек – один из самых страшных диктаторов минувшего столетия. И это не может не внушать опасений. Потому что, вернувшись вновь, зло может не озаботиться отращиванием челки.

Александр Клинге

Миф № 1 ЕВРЕЙСКАЯ КРОВЬ ГИТЛЕРА

Каждый раз, когда пишется биография какого-нибудь деятеля, оставившего глубокий след в истории, ее автор начинает с выяснения родословной своего персонажа. Вполне разумный и оправданный шаг – в конечном счете от того, в какой среде появился на свет и воспитывался будущий вершитель судеб человечества, зависят его личные качества, взгляды, убеждения – словом, очень многое в его последующей биографии. Впрочем, дотошные исследователи всегда стремятся найти как можно больше подробностей, залезть как можно дальше в глубь времен и с нескрываемой гордостью рассказать, что прапрапрадед их героя, оказывается, написал и издал под чужим именем сборник дурных стихов или тайком изменял своей жене...

Стремление отыскать побольше «жареных» фактов в родословной особенно характерно для биографов Гитлера. Связано это не в последнюю очередь с тем, что будущий «великий диктатор» происходил из не слишком оригинальной и не оставившей глубокого следа в истории семьи, что неизбежно влечет за собой появление множества «белых пятен». А там, где возникают «белые пятна», вскоре вырастают и мифы.

Именно таков миф о еврейском происхождении Гитлера, который начал активно циркулировать еще при его жизни. Версия о том, что враг евреев номер один сам был на четверть, если не наполовину евреем, выполняла сразу несколько важных функций. Во-первых, для праздной публики, а впоследствии – любителей исторических сенсаций она была весьма интересной изюминкой. Во-вторых, для противников Гитлера – в том числе и его соперников внутри национал-социалистического движения – этот миф служил целям дискредитации «фюрера»: посмотрите, этот пропагандист чистоты немецкой расы – сам скрытый еврей! В-третьих, этот миф охотно взяли на вооружение сторонники всевозможных «психологических» теорий, которые утверждают, что именно комплекс неполноценности из-за тщательно скрываемого еврейского происхождения сделал Гитлера ярким антисемитом и немецким националистом. Легенда о «Гитлере – еврее» была далеко не в последнюю очередь подхвачена современными ревизионистами и антисемитами, заявляющими, что раз наци номер один был евреем, то, получается, евреи сами виноваты во всех своих бедах. Впрочем, с этой версией мы еще разберемся отдельно. Пока же попробуем определить, имеют ли слухи о наличии в жилах Гитлера еврейской крови хоть какое-нибудь основание.

Если бы в родословной Гитлера было все так же ясно и четко, как это впоследствии требовалось от кандидатов в СС, миф о еврейском происхождении нацистского лидера был бы давно вытеснен на страницы совсем желтых газет и на задворки маргинальных сайтов. Но по уже указанной выше причине многие подробности жизни тех, кто имел к рождению Адольфа непосредственное отношение, покрыты туманом.

Сама легенда о «Гитлере – еврее» выглядит примерно следующим образом. Отец Адольфа, Алоиз Шикльгрубер, был незаконнорожденным сыном служанки, работавшей в доме Ротшильдов. По некоторым данным, там за ней весьма активно и, как утверждают сторонники мифа, небезуспешно ухаживал один из членов этой семьи. Впоследствии бабка Адольфа вышла замуж за Иоганна Георга Хидлера, который, по некоторым сведениям, являлся потомком весьма богатого рода чешских евреев. Впоследствии, когда Алоиз взял себе фамилию отчима, ее стали писать как «Гитлер». Отец Адольфа был женат три раза – в третий раз на Кларе Пельцль, которую некоторые также считают еврейкой. Именно она и произвела в 1889 году на свет будущего «великого диктатора».

Сторонники еврейского происхождения Гитлера оперируют множеством фактов, некоторые из которых стоило бы с полным правом отнести к разряду выдумок. Во-первых, они

ссылаются на то, что дыма без огня не бывает и упорно циркулировавшие слухи просто обязаны на чем-то основываться. Во-вторых, весьма загадочным представляется поведение самого «фюрера», который, придя к власти, всячески препятствовал пролитию света на свою родословную и, по слухам, даже уничтожил кое-какие важные документы. Но не все – в 1928 году австрийская полиция, проведя дотошное расследование, однозначно установила, что дед Гитлера был евреем. Того же мнения придерживаются и авторы совершенно секретного исследования, проведенного в 1943 году в Гарварде. В конце концов, множество свидетельств еврейского происхождения Гитлера собрал известный британский исследователь Дэвид Ирвинг...

Другой вопрос, что большинство документов, собранных Ирвингом, сами по себе носят вторичный характер и являются, по большому счету, записями слухов. Забавный, но достаточно распространенный случай – миф, существующий довольно долго, начинает как бы доказывать сам себя. Собственно говоря, немало для его распространения сделал главный фигурант. Еще в начале 1920-х годов, встав во главе тогда еще маленькой НСДАП, Гитлер старательно укутывает туманом свое происхождение. Даже в книге «Майн кампф» – по сути, автобиографии – он посвящает своим родителям лишь пару строчек. «Отец был добросовестным государственным чиновником, мать занималась домашним хозяйством, равномерно деля свою любовь между всеми нами – ее детьми» – вот, пожалуй, и все, если не считать рассказа о том, как именно его отцу удалось построить свою карьеру. Один из биографов Гитлера, Вернер Мазер, объясняет это тем, что «фюрер», хорошо знакомый с греческой и римской мифологией, пытался таким образом подражать античным героям, вознесенным над простыми смертными во многом за счет весьма туманного происхождения. Так это или нет, но на самом деле Адольф добился лишь появления легенд, которые становились тем популярней, чем больший вес он приобретал на политической сцене.

...14 октября 1933 года номер «Дейли Мэйл» был буквально нарасхват. Еще бы – ведь в нем был опубликован снимок надгробного памятника некоего Адольфа Гитлера, похороненного на еврейском кладбище в Бухаресте. Именно этот человек, по утверждению журналистов издания, был дедом действующего рейхсканцлера Германии. Статью и снимок перепечатали многие газеты – теперь еврейское происхождение лидера национал-социалистов доказано! Правда, вскоре выяснилось, что бухарестский еврей никак не мог приходиться дедом «фюреру» – хотя бы потому, что родился всего на 5 лет раньше, чем его отец...

В 1946 году, уже после самоубийства Гитлера, грянула новая сенсация – так называемые «записки Франка». Ганс Франк, генерал-губернатор Польши в течение всей Второй мировой войны, уже будучи среди обвиняемых на Нюрнбергском процессе, принял католическую веру и в письменном виде рассказал о якобы известных ему фактах. Франк был повешен по приговору трибунала, но его «признание» продолжает жить и считается едва ли не самым веским доказательством еврейского происхождения Гитлера. Прочитируем его целиком:

«Однажды, примерно в конце 1930 г., меня вызвали к Гитлеру... Он показал мне какое-то письмо и сказал, что это «отвратительный шантаж» со стороны одного из самых противных его родственников, которое касается его, Гитлера, происхождения. Если не ошибаюсь, это был сын его сводного брата Алоиза Гитлера (от второго брака отца Гитлера), который делал тонкие намеки, что «в связи с известными высказываниями в прессе вы должны быть заинтересованы в том, чтобы не выносить на всеобщее обсуждение определенные обстоятельства истории нашей семьи». Высказывания в прессе, о которых говорилось в письме, заключались в том, что «у Гитлера течет в жилах еврейская кровь, в связи с чем он не имеет ни малейшего права проповедовать антисемитизм». Однако они носили слишком общий характер и не давали поводов для ответных мер. В пылу борьбы все это проходило незамеченным. Но эти намеки с целью шантажа, исходившие из семейных кругов, заставляли задуматься. По поручению Гитлера я деликатно изучил ситуацию. В целом мне удалось установить из различных источников следующее: отец Гитлера был внебрачным ребенком поварахи по фамилии Шикльгрюбер из Леон-

динга неподалеку от Линца, которая работала по найму в одной семье в Граце. В соответствии с законом, по которому внебрачный ребенок должен носить фамилию матери, он жил примерно до четырнадцатилетнего возраста под фамилией Шикльгрубер. Когда его мать, то есть бабушка Адольфа Гитлера, вышла замуж за некоего господина Гитлера, внебрачный ребенок, то есть отец Адольфа Гитлера, был в правовом отношении признан сыном семьи Гитлера и Шикльгрубер. Все это понятно, и в этом нет абсолютно ничего необычного. Но самое удивительное в этой истории следующее: когда эта повариха Шикльгрубер, бабушка Адольфа Гитлера, родила ребенка, она работала в еврейской семье Франкенбергеров. И этот Франкенбергер платил ей за своего сына, которому было в то время примерно девятнадцать лет, алименты вплоть до четырнадцатилетия ее ребенка. Впоследствии имела место переписка между Франкенбергерами и бабушкой Гитлера, длившаяся несколько лет. Общий смысл этой переписки сводился к обоюдному молчаливому признанию, что внебрачный сын Шикльгрубер был зачат в обстоятельствах, которые заставляют Франкенбергеров платить на него алименты. Эти письма долгие годы хранились у одной дамы, которая состояла в родстве с Адольфом Гитлером через Раубалей и жила в Ветцельсдорфе неподалеку от Граца... Следовательно, по моему мнению, совершенно не исключена возможность того, что отец Гитлера был наполовину евреем, происходя от внебрачной связи Шикльгрубер и еврея из Граца. Исходя из этого, Гитлер в таком случае был на четверть евреем».

На самом деле, в этом письме существует достаточно много нестыковок. Начнем с того, что выплата алиментов в середине XIX века в Австрии попросту не применялась. Далее. Не существует никаких доказательств того, что в 1836 году – время зачатия Алоиза – его мать была в Граце. И, наконец, самое тщательное исследование документов не помогло обнаружить в этом городе ни одного человека с фамилией Франкенбергер или похожей по написанию. Скорее всего, в это время в городе вообще не проживал на постоянной основе ни один еврей – все еще действовало дискриминационное законодательство, восходившее своими корнями аж в конец XV столетия.

Сторонники версии о том, что Франк пишет правду, упирают на то, что у него не было очевидных мотивов для вранья. Но психология приговоренного к смерти (а когда Франк писал свой документ, сомнений в скорой казни уже не было) – штука довольно странная и причудливая. Существует предположение, что свежее испеченный католик Франк хотел тем самым снизить ответственность своей Церкви за преступления Гитлера, который, как известно, родился и вырос в католической Австрии, и возложить часть вины на евреев. Возможно, это так, возможно, подсудимый просто развлекался подобным образом. Правды мы, видимо, не узнаем уже никогда, но это не повод верить словам Франка, особенно учитывая, что перечисленные в документе факты не находят подтверждения или просто не соответствуют действительности.

Что ж, попробуем посмотреть, как все было на самом деле.

Действительно, в родословной Гитлера не так уж и много бесспорных фактов. Один из них – это то, что отцом Адольфа был Алоиз Гитлер, а матерью – его третья жена Клара, урожденная Пельцль. А дальше начинаются загадки.

Те, кто называют Алоиза незаконнорожденным сыном, во многом правы. Более того, первые 39 лет своей жизни он носил фамилию матери. Родившийся в 1837 году, он был только в 1876 году официально усыновлен мужем своей матери, Марии Анны Шикльгрубер, Иоганном Георгом Хидлером, несмотря на то что сам брак был зарегистрирован в 1842 году. В самом факте появления на свет внебрачного ребенка нет ничего необычного – в середине XIX века в Нижней Австрии незаконнорожденными были до 40 % детей. Впоследствии один из сыновей Алоиза, носивший имя отца и ставший старшим братом Адольфа Гитлера, также появился на свет вне брака – лишь чуть позднее его родители поженятся, и Алоиз-старший признает сына. Однако он сделает это сразу, не дожидаясь, пока «ребенку» стукнет почти сорок.

Итак, первый вопрос: мог ли быть отчим Алоиза Шикльгрубера, Иоганн Георг Хидлер, его настоящим отцом? Теоретически, конечно, мог. Но тогда встает законный вопрос: почему он так долго тянул с женитьбой, а главное, с признанием сына? С другой стороны, если он не являлся законным отцом и не признавал Алоиза в течение десятилетий, зачем ему понадобилось делать это на склоне лет?

Пока оставим эти вопросы без ответа. Сперва обратимся к обстоятельствам появления на свет Алоиза Гитлера.

Начнем с того, что его мать вовсе не была молоденькой неопытной девушкой, как мог бы подумать неискушенный читатель. На момент, когда она родила Алоиза, своего первого и единственного ребенка, ей исполнилось целых 42 года. Происходившая из крестьянской семьи, она действительно длительное время работала прислугой, но вовсе не была абсолютной бесприданницей, как об этом часто говорили и писали. Естественно, зажиточной женщиной Марию Анну нельзя назвать даже в первом приближении, тем не менее некоторые денежные сбережения у нее имелись. После смерти матери в 1821 году она получила в наследство довольно большую сумму в 74 гульдена (для сравнения: корова в те времена стоила около 10 гульденов), которую положила в сберегательную кассу и медленно, но верно приумножала.

В 1837 году в деревушке Штронес, где живет ее отец, Мария Анна производит на свет сына. Происходит это не под родительским кровом, как было бы логично предположить, а в доме крестьянина Иоганна Труммельшлагера. Впоследствии это обстоятельство послужит поводом для версии о том, что именно последний – а он станет крестным отцом Алоиза – и был настоящим родителем ребенка. Но эта версия не выдерживает никакой критики. Во-первых, Иоганн Труммельшлагер не оставил по завещанию ни гроша ни Марии Анне, ни Алоизу, что обязательно произошло бы, будь он отцом, пусть даже не желавшим признавать свое отцовство. Во-вторых, то, что Мария Анна пришла рожать именно в его дом, объясняется очень просто и без всякой интриги: дом этот был куплен Труммельшлагером не у кого-нибудь, а у родителей Марии Анны. При этом в договоре купли-продажи было закреплено обязательство покупателя позволить продавцам жить в пристройке к дому, и этим правом действительно пользовался дед Алоиза. Так что кров, под которым Мария Анна произвела на свет отпрыска, был ей совсем не чужим.

Что же происходит дальше? Мать с ребенком живет у родственников, пока в 1842 году не выходит замуж за Иоганна Георга Хидлера. Это был не слишком удачный брак: подмастерье мельника, Иоганн Георг не отличался трудолюбием и даже не имел собственного жилья, постоянно скитаясь по домам родственников. Мария Анна прожила с ним в браке пять лет в весьма стесненных условиях, после чего скончалась. Маленький Алоиз был практически сразу после свадьбы отправлен к брату своего отчима, Иоганну Непомуку Хюттлеру, в деревушку Шпиталь, где и жил много лет.

Иоганн Непомук сыграл в судьбе отца Адольфа Гитлера огромную роль. Можно сказать, что именно благодаря ему мальчик из небогатой крестьянской семьи смог выбиться в люди, став австрийским королевским чиновником. Иоганн Непомук не только заботился об Алоизе в течение многих лет, но и, очевидно, оставил ему весьма неплохое состояние после смерти. Причем сделал это достаточно простым и радикальным путем – незадолго до собственной кончины передав «племяннику» большую сумму наличными. Первыми это обнаружили законные наследники – дочь и зять, которые, вскрыв завещание, с изумлением обнаружили, что денег у Иоганна Непомука, оказывается, не было! В это верилось слабо, поскольку покойный был весьма рачительным хозяином и обладал неплохими деловыми задатками. Наследники сразу же решили, что дорогу им перешел Алоиз – и, судя по всему, не ошиблись: в этом же году «племянник» покупает в деревушке Вернхартс неподалеку от Шпиталя большой дом с земельным участком. Покупка обошлась ему почти в 5 тысяч гульденов – самостоятельно скопить такие деньги чиновник бы не смог. Кроме того, известно, что с этого момента он становится

обладателем довольно неплохого состояния, которое продолжало кормить его сына Адольфа чуть ли не до начала Первой мировой войны.

Однако этим благодеяния Иоганна Непомука в отношении «племянника» не ограничиваются. Судя по всему, именно по его инициативе и его стараниями в 1876 году произошло признание Алоиза сыном Иоганна Георга Хидлера. Последний не мог принимать никакого участия в этой процедуре, поскольку скончался в 1857 году. Поэтому одно из самых важных правил процедуры усыновления – письменное или устное заявление отца – соблюдено не было. Это даже вызвало переписку между различными австрийскими ведомствами о том, насколько законной была вся процедура. Итог оказался положительным для Алоиза; в отправленном 25 ноября 1876 года письме, подписанном епископом в Сент-Пельтене, говорится: «В соответствии с Вашим досточтимым посланием, ординариат епископа имеет честь доложить Вам свои скромные соображения о том, что запись об усыновлении Алоиза Шикльгрубера, родившегося 7 июня 1837 года у супругов Георга Гитлера и М. Анны Гитлер, урожденной Шикльгрубер, и внесение ее в метрику церкви Деллерсхайма тамошним священником отвечает предписаниям министра внутренних дел от 12 сентября 1868 г.».

Видимо, именно в процессе внесения записи в церковные метрики изменилась фамилия: вместо «Хидлер» было написано «Хитлер» (в традиционной русской транскрипции – Гитлер). Такие ошибки в XIX веке происходили сплошь и рядом, и, поскольку дело касалось людей не знатного происхождения, на них не обращали внимания.

Для чего было нужно это признание? Почему Иоганн Непомук так проникся судьбой «племянника», если его брат, судя по всему, был полностью уверен, что Алоиз – не его сын? Судя по всему, речь идет совершенно не о простой симпатии. Множество косвенных доказательств указывает на то, что Иоганн Непомук и был настоящим отцом Алоиза.

Действительно, есть данные о том, что Мария Анна Шикльгрубер неоднократно бывала в Штронасе до рождения своего сына и была близко знакома с Иоганном Непомуком. После того как Алоиз появился на свет, настоящий отец, которому в это время исполнилось 30 лет, стал думать о том, как бы забрать незаконнорожденного отпрыска к себе. Официально признать отцовство он не может ни в коем случае – еще жива его жена, Ева Мария, которая старше его на 15 лет и которая на тот момент является фактическим главой семьи. Поэтому в голове изобретательного крестьянина возникает блестящая комбинация: выдать любовницу за своего бездельника-брата, а ребенка забрать к себе на воспитание. План сработал: Ева Мария, судя по всему, так и не догадалась, что в ее доме живет незаконнорожденный сын ее мужа.

Хочу еще раз подчеркнуть: речь идет не о стопроцентно установленном факте, а всего лишь о весьма правдоподобной версии. Несмотря на все усилия биографов, другого, хотя бы приблизительно столь же вероятного варианта развития событий просто не существует. Тем более иногда циркулирующие версии еврейского происхождения Адольфа Гитлера никакой критики не выдерживают. Даже если отцом Алоиза был не Иоганн Непомук Хюттлер (что маловероятно), этот человек однозначно являлся австрийским крестьянином без малейшей примеси еврейской крови. Чтобы опровергнуть иногда встречающиеся домыслы, упомяну о том, что никаких еврейских семейств, которые носили бы фамилию Хидлер, историкам не известно.

Теперь вернемся к другому возможному источнику «еврейской крови» – матери Адольфа Гитлера, Кларе Пельцль. Первое же знакомство с ее биографией позволяет понять, почему «великий диктатор» впоследствии так тщательно укутывал туманом историю своей семьи. Дело в том, что Клара Пельцль была дочерью Иоганна Баптиста Пельцля, обычного австрийского крестьянина, и... Иоганны Хюттлер, которая приходилась родной и совершенно законной дочерью Иоганну Непомуку Хюттлеру! Фактически она была племянницей Алоиза. Подруга юности отца Гитлера, она впоследствии стала его третьей женой, а любовницей, скорее всего, являлась намного раньше.

Итак, подведем итог: Адольф Гитлер появился на свет в результате инцеста. Знал ли он сам об этом? Судя по всему, если не был уверен на сто процентов, то, по крайней мере, догадывался. Этим объясняются его неоднократные положительные высказывания об инцесте – например в 1918 году: «Благодаря тысячелетнему кровосмешению евреи сохранили свою расу и свои особенности лучше, чем многие народы, среди которых они живут». Одновременно Гитлер очень боялся иметь ребенка, поскольку опасался, что тот родится уродом – возможные негативные последствия кровосмешения. Будущий «фюрер» в немалой степени способствовал созданию в своей родословной белого пятна, которое затем послужит основой для появления одного из самых живучих мифов о нем – мифа о его еврейском происхождении.

Однако почему этот миф так живуч? Только ли потому, что он выглядит скандальным, «жареным» фактом? Нет. Он по сегодняшний день активно используется ревизионистами всех мастей для того, чтобы обелить Третий рейх или даже выставить Адольфа Гитлера тайным агентом сионизма. Абсурд? Увы, так считают далеко не все.

Версия о том, что «Гитлер был евреем, а значит, евреи сами виноваты в своей массовой гибели в годы Второй мировой войны», появилась на свет едва ли не раньше, чем «великий диктатор» покончил с собой в бункере Имперской канцелярии. И очень скоро от нее отпочковался новый миф: никакого массового убийства евреев не было. Холокост – якобы выдумка победителей, подхваченная мировым еврейством. Именно распространяя ложь о массовых этнических чистках, сионисты добились того, что им разрешили создать государство Израиль. И так далее.

Сторонников этой идеи стали называть обобщенно – «ревизионисты». На самом деле это совершенно разные группы людей, которые пропагандируют вышеуказанную легенду по совершенно различным мотивам. Среди них – антисемиты и неонацисты, которые пытаются доказать, что Третий рейх был раем земным, а нацисты сами во всем виноваты; европейские и американские консерваторы, которым неприятна даже мысль о том, что цивилизованный белый человек мог построить лагеря смерти и уничтожить в них миллионы людей; представители арабских стран, которые надеются таким образом лишить всяких законных оснований существование еврейского государства, а также многие другие. Подробно рассматривать их взгляды, равно как и опровергать их, не входит в задачи нашей работы – для этого потребовалась бы целая книга, каковая, кстати, уже есть, и даже не одна; заинтересованному и любознательному читателю рекомендую обратиться, например, к работе Джона Циммермана «Отрицание Холокоста». Здесь же я ограничусь кратким обзором основных аргументов ревизионистов и их опровержением.

Вся концепция ревизионизма строится, по большому счету, на нескольких утверждениях. Первое – в Европе до Второй мировой войны просто не было тех шести миллионов евреев, о гибели которых заявляют историки Холокоста. А если и были, то подавляющее их большинство успело покинуть зону влияния Третьего рейха или было оттуда выселено. Вторым аргументом – до сих пор не обнаружено письменного приказа о начале массового уничтожения европейских евреев. Более того, не существует даже каких-либо общих планов такого уничтожения. При этом, если бы такие документы существовали, они должны были бы сохраниться – сжечь их все просто бы не успели. Основная доказательная база Холокоста строится на показаниях свидетелей, которые самым существенным образом расходятся друг с другом. И, наконец, в концентрационных лагерях, которые на самом деле никогда не были лагерями смерти, просто не было технической возможности произвести уничтожение такого числа людей. В комнатах, которые якобы использовались как газовые камеры, на стенах не обнаружено и следа цианида, которым, как утверждается, уничтожали людей. К тому же знаменитый газ «Циклон-Б» действует довольно медленно, и заявленная производительность газовых камер попросту нереальна. То же касается и крематориев – производительность печей примерно в 4 раза ниже, чем

об этом заявляют историки, и использовались они, следовательно, всего лишь для сжигания умерших естественной смертью людей.

Надо сказать, что весьма полезной для ревизионистов оказалась реакция международного сообщества на их действия. ООН в 2007 году приняла резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста. В соответствии с законодательством ряда европейских стран отрицание Холокоста является уголовным преступлением, за которое вполне могут посадить за решетку, что, к слову сказать, и произошло с историком-ревизионистом Дэвидом Ирвингом. Эффективность таких мер весьма сомнительна, зато ореол мучеников, пострадавших за правду, они ревизионистам создали. Вот что, к примеру, пишет в своей книге один из самых известных современных отрицателей Холокоста Юрген Граф:

«Холокост» в силу своей исторической и технической абсурдности сам в себе с самого начала содержит свое опровержение. Но барыши от великой лжи только возрастали. Ради них пропаганду «холокоста» в подвластных СМИ наращивали до шизофрении. По сей день происходит так, что, чем дальше в прошлое уходит война, тем воспаленнее делается травля, во все большем числе стран надевают тоталитарные намордники, принимают запреты на мышление. В течение еще какого-то, но уже короткого времени еще будет удаваться ревизионистов упрячивать за решетку, однако слом монополии на информацию ускоряет конец величайшей в мировой истории лжи».

Как же бороться с ревизионистами, если не уголовными методами? Как и со всеми остальными фальсификаторами истории – правдой и только правдой. Данных для этого достаточно. К примеру, еще ни одному ревизионисту не удалось убедительно объяснить: куда же именно бежали – или были выселены – миллионы евреев с территорий, подконтрольных Третьему рейху? Разумеется, какой-то их части действительно удалось выехать в безопасные страны. Но это касалось в первую очередь весьма обеспеченных людей, которых, вопреки всем стереотипам, в общей массе европейских евреев (особенно если мы говорим о Восточной Европе) было не так уж и много. Их менее состоятельным соотечественникам бежать было особо некуда и не на что. В предвоенной Европе, охваченной кризисом, никто не горел желанием принимать беженцев, а после начала Второй мировой отъезд и подавно стал невозможен. Надо сказать, что планы по массовому переселению евреев у верхушки Третьего рейха действительно были. В качестве возможных «пунктов назначения» указывались Мадагаскар и восточная часть Советского Союза. Но мечты о том, чтобы установить свое влияние на этих территориях, к 1942 году постепенно начали развеиваться. Оставалось только убивать...

Отсутствие документов относительно такого убийства – тоже миф. Конечно, красиво оформленного плана Холокоста на мелованной бумаге с личной подписью Гитлера и парой круглых синих печатей не существует. Вопрос заключается в том, а нужен ли он был самим организаторам уничтожения евреев? Думается, нет. А вот документы более низкого уровня, касающиеся реализации и итогов массового убийства, имеются в изобилии. В качестве примера можно упомянуть секретный «Статистический отчет об окончательном решении еврейского вопроса» от 31 марта 1943 года, подготовленный сотрудниками СС. В нем, к слову сказать, указана численность европейских евреев перед войной – 10,3 миллиона человек. В нем с определенной гордостью говорится, что за последние 10 лет на подконтрольных рейху территориях число евреев удалось уменьшить на 3 миллиона человек. Явно не пропагандой контртрацепции.

Теперь – к показаниям свидетелей. Начну с небольшой ремарки: различия в показаниях не означают их ложности. Более того, показания свидетелей обязаны расходиться. Об этом написано в любом учебнике по психологии или криминалистике, это подтвердит любой более или менее грамотный следователь. Если показания свидетелей совпадают до мелочей – это как раз и есть повод насторожиться: скорее всего, речь идет о заранее согласованной легенде. Реальные же показания могут расходиться не только в деталях, но и в главном: так, в ходе

эксперимента свидетели ДТП не смогли сойтись во мнении о том, какого цвета машина сбила пешехода, откуда она двигалась, автобус это был или грузовик и так далее.

Поэтому расхождения в показателях свидетелей – не повод заявлять, что преступления не было. А показаний масса, причем не только от узников лагерей, но и от исполнителей. «Я вижу свою задачу в том, чтобы теперь, в настоящее время, откровенно рассказать о тех событиях, которые произошли со мной, и выступить против отрицателей холокоста, которые утверждают, что Освенцима никогда не было. И именно поэтому я – здесь сегодня. Поскольку я хочу сказать тем отрицателям: я видел газовые камеры, я видел крематории, я видел ямы, где сжигали трупы, и я хочу, чтобы вы верили мне, что эти злодеяния случились. Я был там», – заявил, например, бывший охранник концлагеря Оскар Гренинг. Ревизионисты, правда, утверждают, что большинство таких показаний было дано под давлением победителей, но можно ли это сказать о дневниковых записях, сделанных Геббельсом в 1942 году? А в них говорится буквально следующее:

«14 февраля 1942 года. Фюрер еще раз выразил свою готовность безжалостно очистить Европу от евреев. Здесь не должно быть никакого щепетильного сентиментализма. Евреи заслужили катастрофу, которая теперь с ними происходит. Их уничтожение будет идти вместе с уничтожением наших врагов. Мы должны ускорить этот процесс с холодной безжалостностью.

27 марта 1942 года. Это довольно-таки варварская процедура, и она не будет здесь описана в точности. Евреев останется мало. В целом, можно сказать, что около 60 процентов из них придется ликвидировать, и лишь 40 процентов можно использовать в качестве рабочей силы».

Теперь о технических возможностях. Оценивать производительность крематориев – вещь довольно сложная, и заниматься этим надо техническим специалистам, а не дилетантам от истории. В любом случае делать выводы о возможностях лагерных печей на основании данных о «гражданских» крематориях, как это делают ревизионисты, нельзя. Иначе получится, что и печь, сжигавшая тела в блокадном Ленинграде, всего лишь выдумка злобных сионистов. Что касается газовых камер, то исследования, проведенные польскими учеными в 1994 году, показали наличие производных цианида в развалинах газовых камер.

В общем-то, этих доказательств вполне достаточно для того, чтобы подтвердить: Холокост – целенаправленное уничтожение 6 миллионов евреев – достоверный исторический факт. Гитлер вовсе не был тайным агентом сионизма, причем независимо от того, была в его жилах хоть капля еврейской крови или нет.

Миф № 2

ГИТЛЕР – БЕЗДАРНЫЙ ХУДОЖНИК

В детстве все мы привыкли делить людей на хороших и плохих. Причем со свойственным раннему возрасту максимализмом полагали, что хороший человек обязательно хорош во всем и лишен даже малейших изъянов, а плохой, наоборот, сплошь состоит из отрицательных черт. У большинства это проходит с возрастом, по крайней мере, когда дело касается непосредственно окружающих нас людей – знакомых, родственников, коллег по работе... А вот отношение к историческим личностям остается, как правило, строго «черно-белым». «Положительный герой» истории не должен в наших глазах иметь ни одного изъяна, а «инфернальный злодей» – не обладать ни одним положительным качеством. В противном случае они моментально перестают быть героями и злодеями.

Совершенно естественно, что эта картина мира находит отражение в художественных произведениях. Но вот когда она появляется на страницах исторических произведений, это уже очень опасно. Потому что восприятие истории на уровне детских комиксов не позволяет ни проанализировать события и процессы, ни извлечь из них какие бы то ни было уроки. Именно это часто происходит с историей Третьего рейха в целом и фигурой Гитлера в частности. Фюрера принято обвинять не только в многочисленных преступлениях, которые он действительно совершил, но и изображать совершенно бездарной личностью. Прекрасную возможность для этого предоставляет его несостоявшаяся карьера в области изобразительных искусств.

Картины Гитлера видели немногие. Их репродукции не купишь в художественных салонах. Тем не менее о них принято рассуждать по старинному принципу «не видел, но осуждаю». Авторы многочисленных популярных книг обвиняют лидера Третьего рейха в том, что он писал «невнятные, холодные акварели-открытки» и вообще был бездарен. Разумеется, определенная логика в их утверждениях есть: сама мысль о том, что злодей такого масштаба, виновный в миллионах и миллиардах смертей, мог делать что бы то ни было созидательное, противна человеческому рассудку. Именно поэтому, к примеру, было принято обвинять в бездарности императора Нерона – дескать, и голос у него был слабый и противный, и стихи он писал плохие.

О качестве пения рыжебородого римлянина мы, разумеется, судить не можем, да и из стихов его сохранился не то один, не то два отрывка. А вот творчество Гитлера вполне доступно. По крайней мере, дошло до наших дней в большом объеме. Всего, по оценкам историков, Гитлеру приписывается авторство около 3400 картин, эскизов и рисунков. Поэтому познакомиться с ними реально, причем для этого достаточно зайти в Интернет – в отличие от нацистской символики, под запретом они не находятся. К сведению желающих более подробно разобраться в этом вопросе – совсем недавно под заголовком «Художник против поэта» была опубликована сравнительная биография Гитлера и Сталина, принадлежащая перу молодого петербургского историка С. Кормилицына. В этой оставшейся почти незамеченной книге впервые было нарушено табу на публикацию гитлеровских картин. Сохранились и отзывы видевших картины будущего фюрера национал-социалистов в те времена, когда мысль о строительстве национального государства еще не пришла в голову юному Адольфу. То есть тогда, когда льстить ему было абсолютно бессмысленно, а демонизировать – тем более. Отзывы, скажем сразу, весьма и весьма противоречивые.

Так бездарным был Гитлер художником или вполне приличным? Ответ на этот вопрос дать довольно сложно, потому что искусствоведы, видя подпись автора на картине, сразу же становятся пристрастны и выдвигают оценки не полотна, а, скорее, личности автора, государ-

ства, которое он впоследствии возглавил, и войны, которую он развязал. Впрочем, даже в отношении куда менее одиозных личностей мнения экспертов редко бывают единодушными – по той простой причине, что, как говорит русская пословица, на вкус и цвет товарища нет, и оценка любого художественного произведения – дело весьма и весьма субъективное. Поэтому, вероятно, каждому предстоит решать этот вопрос для себя самостоятельно.

И все же давайте хотя бы на время откажемся от устоявшегося представления о Гитлере как о бездарном художнике. А для начала посмотрим на те факты его биографии, которые напрямую связаны с живописью.

Ремесло художника будущий «рейхсканцлер и фюрер германской нации» избрал еще в детстве. Надо сказать, что, по мнению большинства исследователей, рисовальщиком он был все-таки весьма неплохим, и художественный вкус имел, что называется, от бога. Малоизвестный факт – дизайн «Фольксвагена-жука», ставшего в послевоенные годы культовым автомобилем, был придуман именно им. Уже в зрелом возрасте, сидя в кафе с Альбертом Шпеером, он нацарапал ставшие знаменитыми очертания этой машины пером на салфетке. И воплощенный в металле «жук» вполне соответствует своему некогда бегло нарисованному образу. Разумеется, концерн «Фольксваген» после войны старался не акцентировать на этом внимание, равно как и на том, что своим происхождением он обязан именно Третьему рейху.

Было бы неправдой говорить о том, что Гитлер в течение всех своих детских лет целеустремленно шел к художественной карьере. Сперва Адольфом владела совсем иная мечта – о военной карьере. Что было вполне естественно: в любом государстве, где армия играет важную роль в жизни общества, мечта стать солдатом естественна для любого здорового мальчика. Тем более если учитывать атмосферу в обществе последних лет XIX века, буквально пропитанную милитаризмом, когда подвиги на поле боя считались едва ли не главным воплощением мужских качеств, а самой распространенной одеждой для мальчиков был матросский костюмчик. Но солдатами хотели стать все, а умел рисовать среди своих приятелей по детским играм один Адольф. А какой же мальчишка не хочет выделиться из толпы, продемонстрировать, что он лучше других хотя бы в чем-то?! Поэтому мысль о ремесле художника постепенно овладела Адольфом, и к подростковому возрасту он укрепился в этом намерении окончательно.

Все было бы хорошо, если бы подросток не поделился своими планами на жизнь с отцом. Алоиз Хидлер был человеком суровым и решительным. Выходец из крестьянской среды, он добился всего в своей жизни сам и очень гордился тем, что ему удалось стать государственным служащим – таможенным чиновником. Это и правда был очень почетный статус, особенно для провинции, предполагавший стабильный доход, уважение близких, социальные гарантии и так далее. Одним словом, прямая противоположность всему, что связано с непростой биографией большинства тогдашних художников. Поэтому детскую мечту сына о службе в армии он воспринял вполне спокойно, а вот решение зарабатывать себе на жизнь кистью и красками вызвало у него раздражение и гнев. Тем более что Адольф не просто хотел заниматься живописью в свободное от работы время, а выказывал открытое нежелание идти по стопам отца, не считал перспективу карьеры чиновника сколь бы то ни было заслуживающей внимания. «Пока планы отца сделать из меня государственного чиновника наталкивались только на мое принципиальное отвращение к профессии чиновника, конфликт не принимал острой формы, – вспоминал он. – Я мог не всегда возражать отцу и больше отмалчиваться. Мне было достаточно моей собственной внутренней решимости отказаться от этой карьеры, когда придет время. Это решение я принял и считал его непоколебимым. Пока я просто молчал, взаимоотношения с отцом были сносные. Хуже стало дело, когда мне пришлось начать противопоставлять свой собственный план плану отца, а это началось уже с 12-летнего возраста. Как это случилось, я и сам теперь не знаю, но в один прекрасный день мне стало вполне ясным, что я должен стать художником. Мои способности к рисованию были бесспорны – они же послужили одним из доводов для моего отца отдать меня в реальную школу. Но отец никогда не допускал и мысли,

что это может стать моей профессией. Напротив! Когда я впервые, отклонив еще раз излюбленную идею отца, на вопрос, кем бы я сам хотел стать, сказал – художником, отец был поражен и изумлен до последней степени. «Рисовальщиком? Художником?» Ему показалось, что я рехнулся или он ослышался. Но когда я точно и ясно подтвердил ему свою мысль, он набросился на меня со всей решительностью своего характера. Об этом не может быть и речи. «Художником?! Нет, никогда, пока я жив!» Но так как сын в числе других черт унаследовал от отца и его упрямство, то с той же решительностью и упорством он повторил ему свой собственный ответ. Обе стороны остались при своем. Отец настаивал на своем «никогда!», а я еще и еще раз заявлял «непременно буду». Конечно, этот разговор имел невеселые последствия. Старик ожесточился против меня, а я, несмотря на мою любовь к отцу, – в свою очередь – против него. Отец запретил мне и думать о том, что я когда-либо получу образование художника. Я сделал один шаг дальше и заявил, что тогда я вообще ничему учиться не буду».

Разумеется, в своих воспоминаниях Гитлер постоянно драматизировал ситуацию. Вот и тут он слукавил: во-первых, конфликт с отцом не носил такого уж глубокого и принципиального характера. Во-вторых, учиться рисованию и набивать руку, рисуя окрестные пейзажи, он не прекращал. Потому что впереди его ждало испытание, о котором он мечтал так долго: сын таможенника решил поступить в венскую Академию художеств. Его отец к тому времени уже скончался, успев довольно хорошо обеспечить своего отпрыска материально. И в 1907 году Гитлер с легким сердцем отправился в столицу Австро-Венгерской империи.

В Вену он ехал в самых радужных мечтах, с надеждой, – нет, даже с уверенностью в победе. «Я вез с собой большой сверток собственных рисунков, – вспоминал он, – и был в полной уверенности, что экзамен я сдам шутя. Ведь еще в реальном училище меня считали лучшим рисовальщиком во всем классе, а с тех пор мои способности к рисованию увеличились в большой степени. Гордый и счастливый, я был вполне уверен, что легко справлюсь со своей задачей. Я сгорал от нетерпения скорее сдать экзамен и, вместе с тем, был преисполнен гордой уверенности в том, что результат будет хороший». Отметим, что реальное училище Гитлер так и не закончил, несмотря на все свои способности к рисованию.

Радужные ожидания не оправдались. Первую часть экзамена – написание двух этюдов на заданную тему – Адольф выдержал успешно, а вот на второй, заключающейся в рассмотрении представленных домашних работ, его отсеяли: в представленном портфолио было слишком мало рисунков гипсовых моделей, а на экзаменационном рисовании портрета он и вовсе срезался. В принципе, этого можно было ожидать: Гитлера гораздо больше интересовала архитектура. Изображения людей – или статуй – получались у него гораздо хуже. Что, впрочем, вполне обычное дело – среди людей искусства жанровая специализация распространена весьма широко.

Гитлер сам признавал впоследствии: «Мой художественный талант иногда подавлялся талантом чертежника – в особенности во всех отраслях архитектуры. Интерес к строительному искусству все больше возрастал. Свое влияние в этом направлении оказала еще поездка в Вену, которую я 16 лет от роду предпринял в первый раз. Тогда я поехал в столицу с целью посмотреть картинную галерею дворцового музея. Но в действительности глаз мой останавливался только на самом музее. Я бегал по городу с утра до вечера, стараясь увидеть как можно больше достопримечательностей, но в конце концов мое внимание приковывали почти исключительно строения». В результате же в экзаменационном листе юного австрийца стояло: «Адольф Гитлер, Брау-нау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик; отец – оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок – неудовлетворительно».

Ректор Академии Зигмунд д'Альман, выслушав недоуменный вопрос абитуриента о причине провала, заявил ему, что, судя по представленным рисункам, художника из Гитлера не

выйдет, зато из них видно, что у него есть способности к архитектуре, так что не желает ли он стать, к примеру, чертежником?

Удивительно, насколько разной может быть оценка одних и тех же картин разными людьми. Понятно, что оценку, данную юношеским рисункам Гитлера главным идеологом национал-социалистической партии Альфредом Розенбергом, заявившим, что они «свидетельствуют о природном таланте, умении подмечать самое существенное и ярко выраженном художественном чутье», сложно расценивать иначе как лесть. Однако когда в 1919 году акварели Гитлера – тогда человека вообще никому не известного, демобилизованного солдата без профессии и отчетливых перспектив в жизни, – попались на глаза большому знатоку живописи профессору Фердинанду Штегеру, тот вынес однозначный вердикт: «Совершенно уникальный талант». Акварельные пейзажи Адольфа он назвал просто поразительными. Думается, многое бы изменилось, если бы тогда, в Вене, Гитлер услышал именно эти слова, а не оценку д'Альмана. Хотя, разумеется, было бы явным преувеличением обвинять последнего в том, что именно из-за его близорукости Гитлер стал жестоким диктатором, а не художником.

В любом случае, удар по самолюбию молодого человека, весьма склонного к завышенной самооценке (впоследствии это еще не раз проявится в его политической карьере), был чрезвычайно силен. «Когда мне объявили, что я не принят, на меня это подействовало, как гром с ясного неба, – вспоминал Гитлер. – Удрученный, покинул я прекрасное здание на площади Шиллера и впервые в своей недолгой жизни испытал чувство дисгармонии с самим собой. То, что я теперь услышал из уст ректора относительно моих способностей, сразу как молния осветило мне те внутренние противоречия, которые я полусознательно испытывал и раньше. Только до сих пор я не мог отдать себе ясного отчета, почему и отчего это происходит. Через несколько дней мне и самому стало вполне ясно, что я должен стать архитектором».

Но на пути к осуществлению этого решения встали непреодолимые препятствия. Для того, чтобы попасть на архитектурное отделение академии, следовало сперва пройти курс в строительно-техническом училище. Для того же, чтобы попасть в него, требовался аттестат зрелости, который Адольф в свое время, поссорившись с отцом и демонстративно бросив учебу, получить не удосужился. Разумеется, обзавестись аттестатом особой проблемы не представляло – достаточно было сдать необходимые экзамены, однако Адольф посчитал ниже своего достоинства вновь возвращаться к столь ненавидимой и презируемой им школе. Вернее, уже полностью привык к праздному существованию и был почти неспособен к сколько-нибудь систематическому труду. К тому же вскоре ему пришлось вернуться в родной городок: его мать была при смерти. Впрочем, возвращение «блудного сына» под родительский кров не могло ничего изменить: врачи оказались бессильны, и Клара умерла за считанные месяцы. Некоторые биографы Гитлера, кстати, именно этот эпизод в его жизни называют ключевым для формирования мировоззрения будущего фюрера, заявляя, что не сумевший помочь frau Хидлер врач был евреем, потому-то Адольф и стал антисемитом. Весьма сомнительное утверждение – хотя бы потому, что любовь Гитлера к матери если и существовала, то была весьма своеобразной и особой заботы не подразумевала в принципе. О причинах же антисемитизма будущего фюрера мы поговорим в другой главе.

После смерти матери молодого рисовальщика не держало дома решительно ничто. Девушки у него не было, а за младшей сестрой присматривал опекун – сам бургомистр Линца, давний приятель отца Адольфа. Поэтому он вновь отправился в Вену. Только уже с другой целью. «Ко мне вернулась прежняя решимость, и я теперь окончательно знал свою цель, – вспоминал он. – Я решил теперь стать архитектором. Все препятствия надо сломать, о капитуляции перед ними не может быть и речи».

Рассказывая о своей жизни в столице Австро-Венгрии, Гитлер впоследствии здорово сгустил краски, живописуя свое бедственное положение и отсутствие средств. «Еще и теперь этот город вызывает во мне только тяжелые воспоминания, – повествует он на страницах «Майн

кампф». – Вена – в этом слове для меня слилось 5 лет тяжелого горя и лишений. 5 лет, в течение которых я сначала добывал себе кусок хлеба как чернорабочий, потом как мелкий чертежник, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не помню себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной все мое время. В покупке каждой книги участвовал тот же мой верный спутник – голод; каждое посещение оперы приводило к тому, что этот же верный товарищ мой оставался у меня на долгое время. Словом, с этим безжалостным спутником я должен был вести борьбу изо дня в день. И все же в этот период своей жизни я учился более, чем когда бы то ни было. Кроме моей работы по архитектуре, кроме редких посещений оперы, которые я мог себе позволить лишь за счет скудного обеда, у меня была только одна радость, это – книги. Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми питаюсь и поныне».

Все это звучит очень красиво и жалобно, однако будущий фюрер не был так уж нищ, как описывает. Ежемесячный доход Адольфа – складывавшийся, в основном, из «сиротской пенсии» и процентов на скопленный отцом капитал – составлял от 80 до 120 крон. Для сравнения: школьный учитель в Вене получал в первые 5 лет преподавания 66 крон, почтовый служащий – 60, а юрист с опытом около года – 70. При этом для того, чтобы каждый день обедать в среднем венском ресторане, в то время требовалось около 25 крон в месяц. Так что Адольф был отнюдь не так нищ, как ему хотелось впоследствии, в разгар экономических трудностей послевоенной Германии, показать соратникам. 10 крон из его доходов уходили на наем комнаты, а остальными он мог распоряжаться по своему усмотрению. В том числе и позволить себе определенные излишества.

К тому же вскоре Адольфу удалось найти себе работу «по профилю»: «В 1909–1910 гг. мое личное положение несколько изменилось. В это время я стал работать как чертежник и акварелист. Как ни плохо это было в отношении заработка – это было все же недурно с точки зрения избранной мною профессии. Теперь я уже не возвращался вечером домой смертельно усталый и неспособный даже взять в руки книгу. Моя теперешняя работа шла параллельно с моей будущей профессией. Теперь я был в известном смысле сам господином своего времени и мог распределять его лучше, чем раньше. Я рисовал для заработка и учился для души».

В своих воспоминаниях Гитлер несколько приукрашивает действительность. Дело в том, что материальное положение его тем временем ухудшилось – финансовые резервы подошли к концу. В начале 1910 года он попадает в ночлежный дом, где знакомится с Райнхольдом Ханишем. Именно Ханиш становится своеобразным «агентом» Гитлера, благодаря которому последний пишет львиную долю своих работ.

Роли были поделены строго: Гитлер рисует, Ханиш продает. Недорогие, но довольно качественные акварели, которые Ханиш предлагал посетителям венских кафе, расходились достаточно бойко. Проблем со сбытом практически не было, зато имелись существенные проблемы с «производством»: Гитлер не любил долгую и напряженную работу и, нарисовав серию картин, старался подольше отдыхать.

Это было тем более неприятно, что вскоре Ханиш смог найти постоянных и весьма перспективных клиентов – торговцев рамами. В начале XX века при продаже рамы в нее обычно вставляли дешевую картину – в качестве своеобразного «бонуса» и для того, чтобы покупатель мог понять, насколько хорошо будет в принципе смотреться художественное произведение в этой раме (примерно то же самое делают сегодня производители рамок для фотографий). Появление оптовых заказчиков позволило Гитлеру вновь встать на ноги в материальном плане. Его месячный доход возрастает до 50–60 крон. Вскоре молодой художник начинает заниматься и рекламными плакатами – впоследствии реклама присыпки от пота «Тедди» станет известным поводом для насмешек над ее создателем.

Успех кружит Адольфу голову, заставляя вновь считать себя великим художником. Он требует от Ханиша продавать картины по более высокой цене. Дружба постепенно охладевает. В конце концов Гитлер решает отказаться от услуг «агента», что едва не оборачивается для него настоящей катастрофой: вести переговоры с покупателем оказалось делом совсем не простым.

Весной 1911 года юный Адольф обнаружил в себе еще одно дарование, благодаря которому его чуть не взяли на работу тенором в хор Венского театра. И только необходимость самому покупать себе довольно дорогие костюмы спасла фюрера от музыкальной карьеры.

В общем, венский период был для Гитлера, судя по всему, довольно тяжелым, однако очень продуктивным: он рисовал, оттачивая мастерство, пробуя темпера, акварель, масло, классический карандашный рисунок. На первых порах достаток позволял заниматься любимым делом, которое затем становится источником дохода, а свободного времени хватало на все.

В это же примерно время складываются взгляды Гитлера на архитектуру. Одним из его проектов, занимавшим значительную часть его свободного времени, стала разработка плана переустройства Линца. Сосед Гитлера по комнате Кубичек вспоминает, что это превратилось для Адольфа в идею фикс. «Он настолько запутал меня, что я часто не мог отличить, говорит ли он о реальном доме, или речь идет о здании, которое должно быть построено. Для него же это не имело никакого значения». Гитлер, буквально не останавливаясь, заваливая бумагами и чертежами все горизонтальные поверхности в комнате, рисовал здания, здания, здания. Все как одно – в неоклассическом стиле – гигантские, циклопические сооружения с колоннадами и портиками. «Почему всегда самое большое? – объяснял он свое пристрастие к титаническим формам. – Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому отдельному немцу чувство собственного достоинства». На этом пристрастии к циклопизму он спустя годы сойдется с архитектором Альбертом Шпеером. Еще позже, уже в Ставке в Вольфшанце, он говорил соратникам по партии еще и о том, что циклопические строения должны оставить, в случае, если Германия падет, достойную память для потомков – соответствующего размера руины, будящие воображение и заставляющие восхищаться величием предков.

В своих воспоминаниях Шпеер очень много места отводит описанию градостроительных планов, которые он составлял совместно с фюрером. Это далеко не случайно: именно благодаря архитектурным пристрастиям Гитлера обычный архитектор сделал головокружительную карьеру, став в итоге одним из самых могущественных людей в рейхе. В своих мемуарах Шпеер разрывается между двумя основными идеями: с одной стороны, ему необходимо откреститься от бывшего шефа, с другой – показать, что злодейская сущность Третьего рейха была на первый взгляд не столь очевидна. Поэтому и в описании архитектурных талантов Гитлера у него проскакивает известная двойственность: с одной стороны, он характеризует проекты как «скучные» и «безумные», с другой – расписывает их с определенным воодушевлением. К примеру, проект одного из новых зданий в центре Берлина:

«При осмотрах моих берлинских макетов Гитлера прямо-таки магнетически притягивал один участок плана: будущая центральная точка всей Империи, которая призвана будет на столетия вперед служить воплощением могущества, завоеванного в гитлеровскую эпоху. Как резиденция французских королей с градостроительной точки зрения охватывает Елисейские поля, так же должны были неизменно находиться в поле зрения с любого конца Великолепной улицы те сгруппированные вместе сооружения, которые Гитлер хотел бы как олицетворение своей политической деятельности иметь непосредственно около себя. (...)

Постройки, которым предстояло обрамлять будущую Адольф Гитлер-плац, затмевались величественным Дворцом с куполом, который по объему должен был быть в пятьдесят раз больше, чем здание, запроектированное для народного представительства. Как если бы Гитлер хотел тем самым наглядно в пропорциях продемонстрировать всю несущественность последнего.

Решение приступить к разработке строительной документации Дворца с куполом было принято им уже летом 1936 г. В день его рождения, 20 апреля 1937 г. я представил ему общий план, чертежи, изображение поперечных сечений, первый макет. Он воодушевился, упрекнул только, что я снабдил планы надписью «Разработано по замыслу фюрера» – ведь архитектором выступаю я, и мой вклад в создание этого сооружения куда значительнее, чем его эскиз-замысел 1925 г. Но эта формула осталась, Гитлер, по видимому, с удовлетворением воспринял мой отказ претендовать на авторство. Затем были изготовлены макеты фрагментов, а в 1939 г. уже и очень детализированный макет всего дворца почти в три метра и макеты интерьеров. У них можно было вытащить дно и на уровне глаз прочувствовать будущее впечатление. Во время своих частых визитов Гитлер никогда не упускал случая подольше постоять у этих обоих макетов, впадая в своего рода мечтательный транс. Что полутора десятилетиями ранее представлялось ему и его соратникам полетом взвинченной фантазии, он мог теперь с триумфом предъявить всему миру: «Кто бы мог подумать тогда, что это будет когда-то построено!».

Величайшее из всех ранее когда-либо задуманных зданий для собраний состояло из единственного помещения, способного вместить одновременно от 15 до 18 тысяч стоящих участников. По существу речь шла, несмотря на сдержанное отношение Гитлера к мистическим настроениям Гимmlера и Розенберга, о культовом сооружении, которое в течение последующих столетий, в силу традиции и духовного почтения, должно было приобрести примерно такое же значение, как собор святого Петра в Риме для католического христианства. Не будь этой культовой подоплеки, расходы на возведение и роскошь этого главного для Гитлера здания были бы бессмысленны и непонятны.

Круглый внутренний зал был по своему сечению трудновообразим – в 250 м. На высоте в 220 м можно было бы видеть завершение колоссального свода, начинавшего свой легкий параболический взлет на высоте 98 м от пола. Прообразом для нас в известной мере служил римский пантеон. Берлинский купол должен был также сохранить в своей вершине круглое отверстие для света; уже только оно имело бы поперечник в 46 м и тем самым превосходило бы размеры всего купола пантеона (43 м) и собора Петра (44 м). Кубатура зала должна была бы быть в 17 раз больше объема собора Петра. (...)

Снаружи купол напоминал бы зеленую гору высотой в 230 м, так как его должны были покрыть патинированные медные плиты. На вершине ее предполагался застекленный фонарь из максимально легкой металлоконструкции. На фонаре восседал на свастике орел. (...) Внешний общий объем этого сооружения превышал 120 млн кубических метров. Вашингтонский Капитолий просто затерялся бы в таком объеме. Настоящая инфляция цифр и величин.

Но Дворец для собраний отнюдь не был безумным замыслом без шансов на осуществление. Для нашего Дворца для собраний и для прочих построек, долженствовавших образовывать будущую площадь Адольфа Гитлера, были еще до 1939 г. снесены бесчисленные мешавшие старые постройки вокруг рейхстага, а также проведены геологические исследования стройплощадки, выполнены детально проработанные эскизы, построены макеты отдельных фрагментов в натуральную величину. Как и все остальные постройки Великолепной улицы, строительство Дворца для собраний должно было завершиться через одиннадцать лет, в 1950 г. Поскольку для Дворца планировались самые длительные сроки строительства, торжественная закладка первого камня намечена на 1940 г.

С точки зрения технической не составляло проблемы возвести безопорное перекрытие над помещением в 250 м в поперечнике. Мостостроители 30-х гг. без труда освоили возведение сходных, статически безупречных конструкций из стали и железобетона. Ведущие немецкие специалисты рассчитали даже, что перекрываемое пространство могло бы иметь и более массивный купол. (...)

Эта постройка с куполом, задуманная им вскоре после тюремного заключения и вынашивавшаяся им все последующие пятнадцать лет, была его идеей фикс. Когда он уже после

завершения разработки наших планов узнал, что в Советском Союзе во славу Ленина в Москве также проектируют здание для конгрессов, высота которого будет свыше трехсот метров, он отреагировал чрезвычайно злобно. Его вывело из равновесия, что не он будет творцом высочайшего монументального произведения мира. На него действовала угнетающе сама невозможность разрушить намерения Сталина простым приказом. В конце концов он утешился тем, что его детище останется уникальным: «Что значит какой-то небоскреб: выше – ниже, больше – меньше. Купол – вот что отличает нашу постройку от всех остальных!» Уже после начала войны с Советским Союзом я как-то заметил, что мысль о строительстве в Москве дворца-конкурента расстроила его сильнее, чем он хотел тогда в этом признаться. «Теперь, – сказал он, – с той стройкой будет покончено навсегда».

С трех сторон Дворец с куполом окружался водной поверхностью, отражение его в которой должно было еще более усиливать впечатление. В связи с этим подумывали расширить русло Шпрее до размеров озера, правда, в этом случае пришлось бы под площадью сооружать два туннеля для водного транспорта. Четвертая, южная сторона Дворца господствовала над Великой площадью, будущей «Адольф Гитлер-плац». Здесь предполагалось проведение ежегодных демонстраций в день первого мая, до того проводившихся на Темпельхофском поле».

Большинству проектов этих огромных зданий, для строительства которых планировалось буквально выпотрошить центр Берлина, так и не удалось воплотиться в реальность. Не был реализован и выдуманный Гитлером еще в юности план преобразований в Линце, которым он так пугал своего соседа по комнате. Гитлер до последнего момента лелеял планы его осуществления, но, к счастью ли, или к несчастью, на него просто никогда не хватало бюджетных средств. Хотя кое-что все-таки возведено было. Чего стоит один только циклопический стадион в Нюрнберге – место проведения большинства самых важных нацистских парадов! Англо-американские оккупационные власти планировали его демонтировать после войны, но отказались от этой затеи просто потому, что построен он на века – не разберешь!

Разумеется, архитектурные проявления таланта Гитлера более чем своеобразны. Однако что-то в них все-таки есть, что-то цепляет за душу. Есть некая прелесть в этих проектах, напоминающих разросшуюся до фантастических масштабов архитектуру Древнего Рима. Видимо, Гитлер был все-таки неплохим архитектором. Главный имперский архитектор Альберт Шпеер утверждал уже в 1966 году, когда льстить Гитлеру смысла не было вовсе: «Я не могу исключить, что Гитлер был бы заметной фигурой в ряду других архитекторов. У него был талант».

Что было дальше? Довольно недолгий мюнхенский период, когда молодой австриец решил сменить отечество и присягнуть на верность германскому кайзеру, потом – война и смутные послевоенные времена. На кисть и краски оставалось все меньше и меньше времени. На составление архитектурных проектов – тем более. Тем не менее даже в самое тяжелое время сын таможенника не оставлял рисования. Хотя, когда несколько лет назад несколько гитлеровских акварелей этого периода были выставлены на продажу на аукционе Jefferys в Великобритании, аукционист Ян Моррис честно признавался: «Я не надеялся бы выручить за них и по фунту за штуку, если бы мне их кто-то принес просто так. Они ведь не настолько хороши, не правда ли?» С ним оказались солидарны и эксперты аукциона, в один голос утверждающие, что выставленные полотна заметно уступают как ранним, более вдохновенным, так и более поздним, куда более профессиональным работам Адольфа. Тем не менее торги принесли аукционному дому сумму, превысившую экспертную оценку в два с лишним раза, – 176 тысяч фунтов. Самая дорогая акварель ушла за 10 500 фунтов стерлингов, самая дешевая обошлась покупателю в три тысячи. Интересно, что самым денежным покупателем оказался анонимный бизнесмен из России. Именно он купил за 10,5 тыс. фунтов стерлингов (20 тыс. долларов) «Церковь През-о-Буа», подписанную «А. Hitler», и еще 4 пейзажа из той же серии.

Аукциона, кстати, вполне могло бы и не быть, если бы не случайность. Коробку с несколькими десятками военных акварелей Гитлера, подписанных «АН» или «А. Hitler», обнаружила в

своем доме пожилая бельгийка. По семейному преданию, ее оставили в доме двое французских беженцев, возвращавшихся домой в 1919 году, после окончания войны. Разумеется, прошедшие торги вызвали традиционный протест со стороны соответствующих кругов европейской общественности и ряда организаций. Так, к примеру, некто Ронда Барад из Центра Симона Визенталя выступил с заявлением, что подобные аукционы – «это дурной тон. Большинство аукционов мира воздерживается от подобного рода продаж, потому что это оскорбляет множество людей, которые все еще живы». Действительно, во многих европейских странах, включая Германию, продажа подобных артефактов считается противозаконной. Невнятная, не оформленная документально или хотя бы вербально этическая проблема с художественным наследием фюрера имеет место быть. Однако постепенно в сознании общества Гитлер-художник все более дистанцируется от Гитлера-политика. Кто-то видит в этом опасность реабилитации и яростно протестует, продолжая доказывать, что у изверга, которым Гитлер был, без всякого сомнения, по определению не может быть ничего человеческого, даже способностей к рисованию. Другие, как Роберт Стура, придерживаются противоположного мнения. Еще в 2001 году этот знаменитый режиссер написал про гитлеровские картины большую статью «Битва акварелей», где и высказал свое кредо: «Ненависть ослепляет. Даже святая».

Что можно сказать в заключение? Судя по всему, для того, чтобы картины Гитлера оценивались беспристрастно, должно миновать еще много лет. Пока отношение к этому диктатору, человеку, развязавшему самую большую и страшную в истории человечества войну, не превратится из идеологически окрашенного в сугубо историчное, как это произошло, скажем, с тем же Нероном, беспристрастной оценки его творчества можно не ждать. Хотя на самом деле не таким уж плохим художником был этот сын австрийского таможенника. Может быть, было бы лучше, если бы он занимался живописью, а не политикой? Кто знает, как повернулась бы история! Вполне возможно, в мире было бы на одного тирана меньше, но больше на одного мастера пейзажных акварелей.

Миф № 3 «БОГЕМСКИЙ ЕФРЕЙТОР»

«Богемский ефрейтор» – говорят, автором этой презрительной характеристики был не кто иной, как фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, один из выдающихся военачальников времен Первой мировой. Именно так он, занимавший в 1925–1934 годах пост германского президента, отозвался о представленном ему лидере набирающей силу политической партии – невзрачном человечке с забавными усиками, с гордостью рассказывавшем о своем фронтовом опыте. Почему богемский? Гитлер был родом из Австрии, а эта страна ассоциировалась у весьма престарелого фельдмаршала, который помнил дни своей юности куда лучше, чем недавнее прошлое, с австро-прусской войной 1866 года. Основные события той кампании разворачивались как раз в Богемии.

Слова Гинденбурга оказались крылатыми. С тех пор их повторяли бесчисленное количество раз, главным образом когда речь шла о руководстве Гитлера военными действиями. Словосочетание «богемский ефрейтор» должно было подчеркнуть дилетантизм и непригодность человека, который возложил на себя командование огромной армией.

Действительно, полководческие способности Гитлера – одна из самых обсуждаемых в его биографии тем. Если отвлечься от союзной, да и немецкой пропаганды военных лет, то открыли ее после Второй мировой войны генералы вермахта, заседавшие за воспоминания. Нестройный гул их голосов довольно быстро слился в единый хор, который и сложил начало весьма популярного до сих пор мифа о полном отсутствии военных способностей у фюрера.

Миф этот в самых общих чертах выглядит следующим образом: в течение всей Второй мировой войны Гитлер самым непосредственным образом вмешивался в руководство военными действиями. Будучи весьма самовлюбленным человеком, он не слушал ничьих советов и считал себя умнее профессиональных военных. Офицеры видели всю губительность его приказов, однако вынуждены были в силу присяги повиноваться скрепя сердце и обливаясь горячими слезами. Конечно, кое-какие задатки у фюрера были, но в явно недостаточном количестве. К концу войны Гитлер вообще полностью оторвался от реальности, не желал никого слушать и в итоге отдавал совершенно бессмысленные приказы. В общем, именно он, по большому счету, помешал своим генералам выиграть войну или, по крайней мере, свести ее к более достойному для Германии финалу.

Мотивы немецких генералов понять можно. Им нужно было выставить себя как можно в более выгодном свете. Помимо присущего практически каждому автору мемуаров стремления к саморекламе военачальники вермахта стремились доказать свою полезность новым западным союзникам – недавним победителям. Смотрите, мы почти разбили этих русских... Отчего же они оказались в Берлине, а не вы – в Москве? А... Гитлер мешал, вестимо! А то бы мы выиграли мировую войну легко и изящно.

Эта версия была быстро подхвачена и растиражирована. Западными союзниками, стремившимися уверить всех в том, что Советский Союз вполне можно победить. Немцами, которые очень хотели почувствовать себя участниками «защиты Европы от большевизма» и гордиться своей армией, выполнявшей такую благородную миссию. Противниками нацизма, считавшими, что априорное отрицание у Гитлера каких-либо достоинств – это гораздо лучше и правильнее, чем трезвый научный анализ... В нашей стране история о «бездарном Гитлере, мешавшем своим генералам выиграть войну», приобрела популярность в начале 1990-х на волне переоценки ценностей и стала своеобразным зеркальным отражением рассказов о «бездарном Сталине, гнавшем солдат в бессмысленные наступления под дулом заградотрядов».

Своего логического завершения версия об ответственности Гитлера за поражение достигла уже в 1955 году в вышедшей в ФРГ книге Карла Рикера «Один человек проигрывает мировую войну». В ней автор прямо заявляет, что Германию привел к поражению «ряд тяжелых военных и политических ошибок, которые почти все прямо или косвенно были совершены Гитлером».

Мотивация создателей мифа вполне понятна и очевидна. Попробуем же определить, насколько он соответствует действительности. Для этого сначала обратимся к источнику мифа – к воспоминаниям немецких полководцев.

Эрих фон Манштейн в своей книге «Утерянные победы» (другой вариант перевода, лучше отражающий смысл названия, но почему-то у нас не прижившийся – «Проигранные победы») посвятил полководческому искусству Гитлера целую главу. Краткая выжимка из нее выглядит следующим образом:

«...Как военного руководителя Гитлера нельзя, конечно, сбрасывать со счетов с помощью излюбленного выражения «ефрейтор первой мировой войны». Несомненно, он обладал известной способностью анализа оперативных возможностей... Помимо этого, Гитлер обладал большими знаниями и удивительной памятью, а также творческой фантазией в области техники и всех проблем вооружения. Нет сомнения, что он своим знанием дела и своей чрезвычайной энергией способствовал ускоренному развитию многих отраслей вооружения. Но вера в свое превосходство в этих вопросах имела роковые последствия. Своим вмешательством он мешал постоянному развитию военно-воздушных сил и их своевременному усовершенствованию. Несомненно, он затормозил развитие и в области производства реактивных двигателей и атомного оружия...

...Если, как уже было сказано, Гитлер и обладал известным пониманием оперативных возможностей или быстро усваивал их, когда они излагались ему кем-то другим, то все же он не был способен судить о предпосылках и возможностях осуществления той или иной оперативной идеи. У него отсутствовало понимание соотношения, в котором должны находиться любая оперативная задача и вытекающие из нее пространственные факторы, с одной стороны, и потребность в силах и времени – с другой, не говоря уже об их зависимости от возможностей материально-технического обеспечения. Он не понимал или не хотел понять, что, например, каждая крупная наступательная операция помимо сил, потребных для первого наступательного боя, нуждается в постоянном пополнении новыми силами...

...И в области политики – во всяком случае, после успехов в 1938 г. – и в военной области Гитлеру недоставало чувства меры для определения того, что может быть и что не может быть достигнуто. Имея живое воображение, он хватался за всякую заманчивую цель, а результатом было то, что он дробил немецкие силы между несколькими целями одновременно или между различными театрами военных действий...

...Теперь я подхожу к тому решающему фактору, который составлял у Гитлера основу руководства: переоценка силы воздействия воли, его воли, которой якобы достаточно было воплотиться в убежденность даже у самого молодого пехотинца, чтобы подтвердить правильность его решений, чтобы обеспечить успех выполнения его приказов...

...Убежденный в том, что его воля в конечном счете восторжествует, Гитлер был, в общем, мало склонен к тому, чтобы принимать в расчет предполагаемые намерения командования противника. Так же мало был он готов признать даже самые надежные данные, скажем, о многократном превосходстве противника. Тем самым Гитлер оставил почву реальной действительности...

...Упорная оборона каждой пяди земли постепенно стала единственным принципом его руководства... В результате этого значительные немецкие силы оказывались не в состоянии избежать окружения. Только ведением маневренных боевых действий можно было бы реа-

лизовать превосходство немецкого командования и немецких войск и тем самым, возможно, добиться, в конце концов, ослабления сил Советского Союза...

...Наконец, следует еще отметить, что, хотя Гитлер постоянно подчеркивал, что он мыслит, как солдат, и охотно говорил о том, что военный опыт он приобрел на фронте, в действительности ему далеки были мысли и чувства солдата... Как ни старался Гитлер при каждом удобном случае подчеркивать свои качества бывшего фронтовика, у меня никогда не создавалось чувства, что судьба армии глубоко трогает его. Потери были для него лишь цифрами, свидетельствовавшими об уменьшении боеспособности. Как человека они едва ли серьезно трогали его...

...Эти недостатки могли бы быть компенсированы, если бы он был готов прибегать к советам разделяющего с ним ответственность опытного начальника Генерального Штаба или если бы он пересилил в себе чувство недоверия к последнему. Если бы он сумел дополнить недостающую ему подготовку и опыт в военной области (особенно в области стратегии и оперативного искусства) знаниями и умением начальника своего Генерального Штаба, то, несмотря на вышеупомянутые недостатки, мы все же могли иметь вполне удовлетворительное военное руководство. Но как раз на это Гитлер не был согласен.

...Гитлер полагал, что ему из-за его письменного стола все видно значительно лучше, чем командирам на фронте, хотя было само собой понятно, что многое на его оперативной карте уже устарело. При этом не стоит уже говорить и о том, что он не мог определить издали, какое мероприятие на месте является правильным и необходимым. В его привычку все более входило стремление вмешиваться в управление группами армий, армиями и т. д. путем отдачи отдельных распоряжений, что вовсе не входило в его обязанности».

Не буду пока никак комментировать этот текст – я еще не раз вернусь к нему потом при рассмотрении конкретных операций Второй мировой войны. Пока сделаю два достаточно важных для нашей темы вводных замечания.

Первое. Если исходить из того, что именно и только Гитлер мешал своим полководцам выиграть Вторую мировую войну, значит, нужно предположить, что без него они бы эту войну выиграли. Разумеется, история не знает сослагательного наклонения, и проверить, «что было бы, если бы...», мы не можем. Но ту же самую историю не зря называют учительницей жизни. Потому что прекрасно известен другой пример, когда германским генералам совершенно никто не мешал, и тем не менее победы они добиться не могли.

Речь идет о Первой мировой войне. В начале XX века военная элита наслаждалась в Германской империи таким влиянием на политику страны, которой не имела ни до, ни после этого. Во многом по рекомендациям – и при активном содействии – военных политики сделали ставку на обострение июльского кризиса 1914 года, вылившегося в европейскую бойню. Именно военные в стенах Большого генерального штаба составили план молниеносной кампании, и никто – даже император – не рисковал вмешиваться ни в его разработку, ни в реализацию. С началом войны власть и влияние военных только нарастали, вплоть до того, что с 1916 года шеф Генерального штаба – уже упоминавшийся Пауль фон Гинденбург – стал фактическим диктатором Германии, а гражданским органам осталась роль покорных исполнителей воли военной верхушки. Военные вмешивались во все – в дипломатические отношения (те немногие, которые еще сохранились), в вопросы военной промышленности, сельского хозяйства, социальной политики... Итог – поражение и позорный Версальский мир, который на некоторое время выбил Германию из числа великих держав.

Причем винить в этом некого. Именно военные составили достаточно авантюрный по своей сути «план Шлиффена», который должен был гарантировать быстрый разгром Франции. Военные же – здесь в первую очередь нужно упомянуть шефа Большого генерального штаба начала войны Г. фон Мольтке (младшего) – реализовали этот план настолько плохо, что лишили себя шансов на молниеносную победу и перевели войну в затяжную стадию. Потом

они почти четыре года искали выход из знаменитого «позиционного тупика», не в состоянии сосредоточить свои усилия на решении какой-то одной задачи. С течением времени действия германского командования носят все более отчетливый оттенок авантюризма: в 1917 году военные настаивают на объявлении «неограниченной подводной войны» против любого судоходства западнее Британии, что неизбежно должно было повлечь за собой – и повлекло – вступление в войну Соединенных Штатов с их огромными ресурсами. Проблемы с чувством меры продемонстрировала ситуация конца 1917 года, когда из войны вышла Россия. Вместо того, чтобы как можно скорее заключить умеренный мир и бросить все силы на запад, немецкие военные упорно пытались заглотить кусок побольше – кусок, которым Германия, по мнению ряда историков, в конечном счете и подавилась, потому что удержание огромных приобретений на востоке требовало сил, в которых отчаянно нуждались в других местах. С техническим чутьем у военной верхушки тоже было не все в порядке – во второй половине войны немцы совершенно проигнорировали появление такого нового оружия, как танк, посчитав его пустой игрушкой. Потом, конечно, схватились за голову, но было уже поздно: первые немецкие танки, больше напоминавшие коробки из-под ксерокса, успели только к титрам Первой мировой...

Ну как, неплохой список ошибок и недостатков? А теперь сравните его с тем, что Манштейн ставит в вину Гитлеру. Многовато совпадений, не правда ли? Так что, как видим, германские военные сами были отнюдь не безгрешны и с большим энтузиазмом выискивали соринку в чужом глазу. Единственное, что выгодно отличало их от Гитлера, – поражение в мировой войне они все-таки признали до того, как противник вступил на немецкую землю. Поэтому удалось обойтись без унизительной оккупации. Правда, не совсем ясно, насколько велика в этом заслуга немецких военных и насколько признанию поражения свершившимся фактом способствовала грянувшая в стране незадолго до заключения перемирия революция. Та самая, на которую уже через считанные недели генералы начнут сваливать ответственность за поражение, тщательно и с любовью создавая легенду об «ударе кинжалом в спину». Дескать, мы стояли уже на пороге победы, когда эти красные предатели устроили в тылу мятеж, ударив в спину непобежденной армии. В конце Второй мировой никакой революции не было, и ответственность пришлось свалить на любимого фюрера.

Теперь – второе из обещанных замечаний. В сегодняшнем – да и не только сегодняшнем – мире верховным главнокомандующим в случае войны становится глава государства. Лицо, как правило, сугубо гражданское и в специфически военных вещах по определению разбирающееся слабо. Почему же именно ему поручается столь ответственный пост? Разгадка – в знаменитой фразе Клаузевица: «Война – это продолжение политики другими средствами». Военные, разумеется, лучше других знают, как применить оружие, и в этом вопросе их компетентность никто не оспаривает. Но при этом надо помнить, что боевые действия и победа над врагом – это не самоцель, а средство, один из многих инструментов в арсенале политика. И только политический руководитель может решать, как и какой инструмент в данный момент использовать. Когда и как начать войну, на каких условиях ее закончить, стараться наголову разгромить противника или просто продемонстрировать свою силу, не ввязываясь в кровопролитные сражения, – все это должны решать политики, а не генералы. Даже ход отдельных операций может определяться в большей степени политическими соображениями, чем военными. Захват какого-нибудь города может иметь важное символическое значение, а район, из которого лучше бы отступить по военным соображениям, может быть исключительно важен в экономическом плане... Генералы в этих ситуациях, конечно, могут ворчать, что им мешают заниматься своим делом, но вынуждены признавать главенство политиков.

У германских генералов с таким признанием всегда было туговато. Клаузевица они считали, слова его многократно цитировали, но делали вид, что не понимают, о чем речь. Особенно после побед в войнах за объединение 1864–1871 годов, когда «полубоги» – так стали неофициально называть ведущих офицеров Большого генерального штаба – окончательно

поверили в собственную гениальность. К слову сказать, в это же верят и многие современные исследователи – например американский военный историк Тревор Дюпуи, который в книге «Гений войны» развивает мысль о том, что именно германский Большой генеральный штаб стал «секретным оружием» немцев, позволившим им в течение многих поколений поддерживать высокую эффективность своей армии.

Если коротко: Гитлер, как политический руководитель, по определению обладал более широким кругозором и сферой ответственности, чем его генералы. Ограничиваться чисто военными соображениями при принятии решений он не мог в принципе. Поэтому его решения, кажущиеся абсурдными с военной точки зрения, могут иметь смысл, если посмотреть на них с другой стороны.

Именно так обстоит дело с военной техникой. И Манштейн в процитированном выше отрывке, и многие другие обвиняли Гитлера в том, что он пустил развитие германской военной техники по неправильному пути. В качестве примера приводится тот факт, что Третий рейх во Второй мировой войне не располагал дальнебомбардировочной авиацией, подобной британской или американской. Отсутствие у вермахта дальних бомбардировщиков считается многими исследователями важной причиной поражения Люфтваффе и Германии в целом. Приведу для примера лишь несколько цитат.

Ульф Тоомсваре: «Четырехмоторный стратегический бомбардировщик так и не был запущен в серийное производство. По мнению большинства историков, это оказало решающее влияние на весь ход Второй мировой войны». Михаил Зефилов: «Программа создания тяжелых бомбардировщиков была фактически свернута, что было тяжелой ошибкой руководства Люфтваффе». Подполковник в отставке Греффрат: небольшой радиус действия «стал ахиллесовой пятой ВВС Германии». Ответственность за это решение возлагается обычно на Геринга и, естественно, Гитлера. Это вполне справедливо. Вопрос только в том, было ли это решение ошибочным?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть три взаимосвязанных вопроса: во-первых, какой ценой Германия могла создать флот стратегических бомбардировщиков; во-вторых, где она могла бы применить их и, в-третьих, какова была бы эффективность использования такого рода машин.

Отвечая на первый вопрос, необходимо вспомнить, что Германия готовилась к войне и вела ее в условиях крайней нехватки ресурсов. Люфтваффе в 1935–1939 годах приходилось бурно наращивать численность как материальной части, так и квалифицированного персонала, что само по себе являлось весьма непростой задачей. В итоге к 1 сентября 1939 года в германских ВВС насчитывалось 3551 (по другим данным – 4333) боевых самолета, в том числе около 1200 двухмоторных бомбардировщиков, 400 пикирующих Ю-87, 770 одномоторных и 410 двухмоторных истребителей. По оценкам специалистов, четырехмоторный бомбардировщик обходится примерно на порядок дороже, чем одномоторный истребитель, и в 3–4 раза дороже, чем его двухмоторный собрат. Таким образом, Люфтваффе к началу войны могли позволить себе флот из 700–800 дальних бомбардировщиков только при условии полного отказа от машин всех других моделей. В ходе войны Германия произвела, по данным историка войны в воздухе Олафа Грелера, 119 296 боевых самолетов, львиную долю которых составляли одномоторные истребители. В пересчете на тяжелые бомбардировщики это составит не более 20 тыс. машин. Много это или мало? Напомним, что за годы войны США произвели 18 431 бомбардировщик Б-24 «Либерейтор» и 12 726 Б-17 «Летающая крепость». Об эффективности этой армады мы еще поговорим ниже.

Но абсолютно очевидна абсурдность отказа от всех типов машин в пользу тяжелых бомбардировщиков. В течение всей войны имевшейся у Люфтваффе авиатехники едва хватало для удовлетворения самых первостепенных потребностей, дальнейшее снижение ее численности привело бы к катастрофическим последствиям. Не отказ от тяжелых бомбардировщиков, а

резкое уменьшение производства жизненно важных истребителей и ударных самолетов оперативно-тактического радиуса действия стало бы роковым решением руководства Люфтваффе. Скорее всего, война в этом случае была бы проиграна задолго до 1945 года.

Тем не менее предположим, что Германии удалось за счет привлеченных из других отраслей военного производства ресурсов (в первую очередь путем уменьшения производства одно- и двухмоторных самолетов) построить флот тяжелых бомбардировщиков. Отметим сразу, что масштабы этого флота не могли бы идти ни в какое сравнение с англо-американскими армадами 1943–1945 годов. Где Люфтваффе могли применить это оружие? На данный вопрос обычно дается четыре ответа.

Первый. Против Великобритании. Во время «битвы за Англию» 1940 года, по мнению ряда исследователей, Люфтваффе «недоставало бомбардировщиков дальнего радиуса действия». Однако, если проанализировать ход сражения, выясняется, что отнюдь не малая дальность бомбардировщиков, а недостаточный радиус действия и малое число истребителей предопределили неудачу Люфтваффе в 1940 году. Средние бомбардировщики, имея радиус действия 550 километров, могли поразить любые объекты на территории южной и юго-восточной Англии – наиболее развитых в промышленном отношении районов страны – и обеспечить поддержку высадившегося десанта. Именно нехватка истребителей и пилотов привела к тому, что Люфтваффе не удалось выполнить свои задачи.

Второй. Против СССР. Удары по промышленным предприятиям Советского Союза считаются до сих пор одной из главных «упущенных возможностей» Люфтваффе. Однако эвакуация советских предприятий на восток в 1941 году показала высокую мобильность отечественной промышленности, которая могла весьма быстро приспособиться к новой угрозе – как приспособилась германская в 1944 году. К тому же подобные удары, как и в случае с Британией, вполне могли наноситься средними бомбардировщиками. Просто эти машины были нужны для выполнения других, более насущных задач, и времени на стратегические рейды попросту не оставалось.

Третий. В Атлантике. Здесь возможны две области применения – для дальней разведки и непосредственных ударов по конвоям. Разведку на достаточно высоком уровне обеспечивали четырехмоторные ФВ-200, имевшиеся в ограниченном количестве модификации пассажирского авиалайнера. Что касается атак кораблей, то вопрос об их эффективности остается дискуссионным; в любом случае союзники быстро нашли бы противоядие в виде усиления зенитного вооружения и наращивания числа эскортных авианосцев.

Наконец, четвертый. Против США. Этот вариант, хотя и рассматривавшийся в высшем руководстве рейха, представляется полностью фантастическим – слишком неравными были бы силы атакующей и обороняющейся сторон.

Итак, ни одна из указанных целей, на наш взгляд, не могла оправдать тех затрат, которые пришлось бы понести Германии для создания флота тяжелых бомбардировщиков. Споры нет, если бы в Третьем рейхе каким-то чудом появилось несколько тысяч четырехмоторных бомбардировщиков с подготовленным персоналом, расходными материалами и инфраструктурой, немцы смогли бы найти им применение. Но чудес не бывает, и создание подобного флота потребовало бы губительного сокращения производства в жизненно необходимых областях.

Вопрос об эффективности тяжелых бомбардировщиков тоже является спорным. Здесь мы можем опираться на данные англо-американских налетов на Германию. Многие исследователи (в частности, известный военный теоретик и историк Дж. Фуллер) считают их пустой тратой ресурсов. Как писал К. Беккер, «ночные бомбардировки британских ВВС в конечном итоге обернулись пустой и дорогостоящей затеей». Дневные удары американских бомбардировщиков до появления дальних истребителей сопровождения приводили к катастрофическим потерям: так, во время налета на Швайнфурт 14 октября 1943 года из 228 участвовавших Б-17, по американским данным, 62 были уничтожены и 138 повреждены при потерях с немецкой

стороны в 35 истребителей. Германия позволить себе подобную расточительность не могла в принципе.

Именно в силу ограниченности ресурсов Германия не смогла создать свой флот тяжелых бомбардировщиков, хотя недостатка в весьма перспективных моделях в ходе Второй мировой не было. Однако руководство Третьего рейха вполне отдавало себе отчет в том, что строительство этих машин гораздо эффективнее подрвет мощь страны, чем любые усилия ее противников. Создание флота четырехмоторных бомбардировщиков не являлось реальной, а тем более выгодной альтернативой для Люфтваффе. Именно ставка на самолеты «поля боя», сделанная руководством германских ВВС, стала оптимальной в условиях ограниченных ресурсов. Именно нехватка последних, а никак не стратегических бомбардировщиков, и стала основной причиной неудач Люфтваффе во Второй мировой войне. Выбор Гитлера был сугубо правильным, более того – в тех условиях он был единственно возможным.

Еще одна ошибка Гитлера в отношении Люфтваффе, о которой любят говорить, – это его требование переделать прекрасный реактивный истребитель Ме-262 в скоростной бомбардировщик. Вот как об этом пишет бывший адъютант Гитлера Н. фон Белов:

«Ме-262 фюрер увидел впервые, и самолет произвел на него большое впечатление своим внешним видом. Он подозревал Мессершмитта и задал ему прямой вопрос: можно ли этот самолет выпускать и в качестве бомбардировщика? Мессершмитт подтвердил: да, он может нести две бомбы по 250 кг каждая.

Услышав его ответ, Гитлер произнес: «Так это же и есть скоростной бомбардировщик», – и потребовал считать Ме-262 лишь таковым. Мильх попытался подкорректировать решение фюрера в том смысле, что в такой модификации должна производиться лишь часть этих самолетов, что ему, однако, не удалось: Гитлер твердо настоял на своем требовании. Когда Геринг через несколько дней в разговоре с фюрером вернулся к этой теме, тот резко оборвал его».

Это решение Гитлера, принятое в ноябре 1943 года, часто считают едва ли не роковым – по мнению некоторых историков, оно задержало производство истребителей Ме-262, которые могли бы разогнать армады тяжелых американских бомбардировщиков над рейхом и спасти Германию от поражения. Сразу отметим явное преувеличение: спасти Германию от поражения в середине 1944 года – а Ме-262 вряд ли смогли бы появиться в больших количествах раньше даже при самых благоприятных условиях – не смогло бы уже, скорее всего, ничто. Даже атомная бомба. Как, впрочем, и любое «чудо-оружие» само по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.